

Эти истории, в которых почти ничего не придумано, навеяны рассказами-воспоминаниями близких мне людей — дедушки, отца, тети... В детстве я с восхищением заслушивалась ими, а сейчас удивляюсь, сколько же всего выпало на их долю.

МАРУСЯ

Зажиточным было село Боголюбово: хотя кулаков после нападения на ревком всех до одного расстреляли за околицей у оврага, подкулачников с семьями выселяли аж на пятнадцать подвод. Село стонало: под зычные крики конвоиров — плач детей, причитания баб и отборный мужицкий мат.

— Данила и Анна Хованцевы с детьми, выходите! — у калитки стоял небольшого роста рыжеволосый комсомолец Никанор, наш сосед по улице.

— Власть почувял... — отец, уже готовый в неблизкую дорогу, поднялся с лавки. — Пойдем, что ль?..

Семья потянулась к дверям.

— Ну, что, Анна, не пошло тебе впрок хованцевское добро! — Никанор стоял, широко расставив короткие ноги, и ехидно ухмылялся. — Вот пошла б за бедняка, не пришлось бы из родного села на выселки удаляться. Всех вас, кулацкое отродье, погоним куда Макар телят не гонял!

— Это за тебя, што ль, надобно было мне идти? — Анна холодно смотрела своими сталь-

ными глазами на зарвавшегося мужичка. — Да вернись все назад, я снова пошла бы за Данилу. Прощай, Никанор, ты свое дело сделал.

Когда ехали семьями на подводах, мама держала младшего на руках, отец — среднюю сестричку, а Маруся сидела между ними. Вещей было совсем мало, остальное велено было оставить. Немного еды на первое время и кое-какая теплая одежда — вот и все, что было. До станции добирались как-то особенно долго, а может быть, им так показалось. Очень уж мрачным было небо над ними, и все время моросил дождь. Люди на подводах сидели тихо; только колеса скрипели, да возницы изредка погоняли лошадей. Даже конвоиры молчали, нагавкавшись.

Вагоны стояли с раскрытыми дверями, страшно зияя темной пустотой. Ручейки подвод медленно стекались на станцию. В каждый вагон грузили по пятьдесят человек. Когда ехали, Марусе казалось, что люди в нем заунывно колышутся в такт колесам. Та-тамта-там, та-тамта-там...

Сама не заметила, как уснула. Приснился дедушка Данила — папу называли в его честь. Дедушка мчался на своей любимой тройке, запряженной в красивую бричку, стоя во весь рост и крутя кнутом над головой. Молодецкая удале еще играла в нем, уже почти полностью поседевшем. У дедушки были книги, не только церковные, но и простые, художественные. Маруся рано научилась читать, и ее первой книгой было «Путешествие Робинзона Крузо». Проснувшись, она решила, как Робинзон, отмечать зарубки на дощатой вагонной стене после каждого дня маленьким перочинным ножичком.

К концу поездки их наберется больше девяноста.

Их везли три месяца. Домашняя еда закончилась быстро, но главное — не было воды, и взять ее было негде.

— Пить, дай пить, — слышалось практически из каждого угла. Дети просили пить постоянно, изводя родителей.

Однажды какой-то мужчина не выдержал и бросился к выходу, крича охраннику, чтобы разрешил набрать воды на остановке. Спрыгнул с подножки, и все услышали выстрел. Приказано было расстреливать на месте всех, кто пытался выйти из вагона.

Помнит Маруся, что тогда она чуть ли не завидовала этому человеку, который больше не будет страдать от страшных условий, в которых они оказались. Марусе было тяжело переносить невыносимый смрад, стоящий в вагоне, битком набитом людьми. В результате такой скученности начались болезни, и люди стали часто умирать.

А еще — холод! В вагоне было две печки-буржуйки. Пока они горели — было тепло, но как только гасли, тут же расплзалась эта ненавистная стужа. Дрожь пробирала до костей. Сначала дети плакали, потом сил у них не стало.

Среди первых умерших детей была средняя сестричка Хованцевых. Охранники забрали все тела. Люди шептались, что их просто выбросили на насыпь. Мама не верила, говорила, что не по-христиански это. Должны похоронить. Папа молчал.

Везли долго. Людей в вагоне значительно убавилось, и еды стало хватать.

Наконец прибыли на место...

Страшная голая степь, покрытая снегом, вдали — холм, который здесь назывался «сопкой». Долго шли пешком к ее подножию. Здесь определили им жить. Как жить? Где? Ни жилья, ни помощи. Ночь Хованцевы, как и все, просидели на голой земле, прижимаясь друг к другу, укрывшись всем, что было из вещей. Мужчины разожгли костры. Кое-как переночевали. Утром стали рыть землянки в мерзлоте. Самая главная трудность — найти, чем укрыть яму. Каждая найденная дощечка — на вес золота. Соседи попытались оторвать указатель с обозначением этого пункта спецпоселения, за что были биты конвоирами. Решили крыть караган-

ником и присыпать землей. Этот караганник был похож на желтую акацию, только очень маленькую. С едой и водой по-прежнему было плохо. Дети пили из каждой лужи, которая попадалась на пути. Набрать воду было не во что, ведер не было, поэтому мыться и стирать ходили километров за семь. Каждое утро приносило новую смерть.

Как-то папа разбудил Марусю среди ночи, велел одеться и идти с ним. Когда забрезжил рассвет, они были на станции. Там оказался всего один отъезжающий.

— Послушай, друг, отвези девочку в детдом. Богом прошу, погибнет ведь.

— Да ты что! Куда она мне. Мне ж за это отвечать придется.

— Скажешь, что нашел на станции, беспризорница. В любой ближайший детдом сдай. Понимаешь, после смерти средненькой жена умом повредилась, а у нас еще грудной на руках. Маруся сама себе предоставлена, я на работе целыми сутками. Пропадет ведь девчоночка. Неужто не жаль тебе дитя безвинное. Не бери грех на душу, помоги...

И вот снова вагон, только не такой страшный, как первый. Перед уходом папа сунул Марусе сверток с хлебом, который ему удалось собрать за несколько дней, отрывая от своей скудной пайки. Она вцепилась в его плечи мертвой хваткой, колючая борода царапала ей лицо, но Маруся не обращала внимания. Как будто пытаюсь запомнить родной запах, она не отрывала свое лицо от отцовской шеи. Он отодрал ее пальцы от телогрейки и ушел быстро, не оборачиваясь.

Забившись в дальний угол на верхней полке, Маруся, как испуганный зверек, не издавала ни звука. Какое-то шестое чувство подсказало ей не привлекать к себе внимания, ничего не просить, заставить забыть о себе. Наверное, в ее состоянии, после разлуки с родными и всего пережитого, это было просто естественным поведением. Она как будто спала наяву и грезила о своей прежней жизни.

Проснувшись однажды утром, Маруся обнаружила, что осталась совершенно одна. Попутчик не стал ее будить и тихо ушел, оставив на попечение случая. Случай явился в образе старичка — служащего железной дороги, который обходил вагон. Маруся, по обыкновению, хотела спрятаться под лавку, но он опытной рукой ловко схватил девочку за шкурку и вытащил на свет.

— А погодь-ка, погодь, куда собрался, постреленок! Ой, да ты девчонка, ну не реви, не реви, не обижу, — старик взял ее за руку и отвел в милицию.

— Вот, принимайте гражданку! Путешествовала без билета и паспорта. Откуда и куда — говорить не изволит.

— Ничего, у нас заговорит, — милиционер почесал карандашом за ухом, — вот сейчас документики оформим, и поедешь в детский дом. Там вас много таких. Небось Родина вырастит. Будешь еще спасибо говорить за свое счастливое детство.

В детском доме по своей новой привычке Маруся не издавала ни звука. Ее помыли, остригли наголо и одели в серое. Так здесь выглядело большинство. Поначалу ей казалось, что это одна сплошная серая масса. Маруся не различала лиц, не понимала слов, двигалась как автомат. Утром — подъем, на зарядку, потом умываться, завтракать, учиться... Как заведенный часовой механизм. Тик-так, тик-так.

Но однажды он сломался.

— Ну, чего разлеглась, — давай, подымайся, школу проспичь, — осторожно прикоснулась к Марусе нянечка, — Ой, да она вся горит! В больницу надо...

Утро. В открытое окно влетает свежий, пахнущий сиренью ветерок. Молодая зеленая трава ласкает взор. Петух хлопает крыльями и кричит. Маруся дома. Пахнет парным молоком и печеным хлебом. Сейчас мама войдет и разбудит.

— Девочка, просыпайся. Просыпайся, уже нет температуры у тебя. На поправку идешь, скоро в детдом выпишем.

Нельзя сказать, что это Марусю сильно обрадовало. Оказалось, что все — просто сон.

В детском доме, заметив какую-то неуловимую перемену в ней, воспитательница взяла ее за руку и отвела в кабинет директора Ивана Порфирьевича.

— Ну-с, барышня, рассказывайте, кто вы, откуда, где ваши родители, как вас зовут...

— Маруся. Мы жили в большом селе. Нас посадили на подводы и отправили на станцию. Долго ехали в вагоне, а потом жили в землянке. Однажды папа снова отвел меня на станцию, и я опять ехала в поезде. А какой-то старичок привел меня в милицию.

Директор детского дома задумчиво кусал карандаш. Видя, что Маруся честно рассказывает о себе и своем прежнем житье-бытье, расспрашивал долго, попутно делая пометки в блокноте. Нянечка принесла чай и бутерброды. Это привело Марусю в еще более разговорчивое состояние. Она была возбуждена, щеки ее покраснелись, глаза светились. Впервые за долгое время она почувствовала себя живой!

Вскоре после чая голова Маруси опустилась на стол, и она задремала. А Иван Порфирьевич, бывший преподаватель школы-семилетки, мобилизованный Красной Армией, а теперь служивший на таком непростом посту, сидел за столом, обхватив седую голову с поблескивавшими круглыми очками, мучительно думал, как поступить, чтобы не сделать хуже этой малышке, уже принявшей на свою долю слишком много того, чего не должны переживать дети.

К утру решение созрело и оформилось. Вспомнив о директиве прошлого, 1930 года, по которой разрешалось вывозить детей спецпереселенцев до десятилетнего возраста из мест высылки, директор написал письмо в сельский совет по бывшему месту жительства девочки.

В далекую Воронежскую область письмо из-за Урала шло три месяца. Ровно столько, сколько Маруся ехала в Караганду.

После «битвы за урожай» осень только-только входила в свои права. В Боголюбовском сельсовете тишина и порядок. Никанор, исполнявший обязанности захворавшего председателя, устало разбирал полученную почту. Письмо директора детского дома лежало последним.

Никанор читал его и не понимал прочитанного.

«Маруся Хованцева, семи лет, проживавшая на территории вашего сельского поселения, находится в детском доме...»

Заворочались переживания, до сих пор не дававшие жить спокойно. Как долго он пытался усмирить их мутную взвесь внутри себя! И вот она снова поднялась... Как видно, не будет ему покоя. Всю свою жизнь расплачиваться ему за этот грех. Кулаки кулаками, но дите безвинное...

Погруженный в невеселые размышления, Никанор запер сельсовет и побрел домой.

Дома лучше не стало. Одинокому мужчине вообще дома хуже, чем на людях. Быт неустроенный, еду никто не приготовит, ласковым словом не встретит.

Бессонная ночь помогла принять решение. Он начал собирать вещи в дальнюю дорогу. Председателю объявил, что хочет наладить свою новую жизнь по зову партии на рудниках знаменитого «Дальстроя».

— Оно, конечно, везде люди живут, но ты все ж таки крепко подумай, Никанор, куда тебя нелегкая несет, — председатель крутил потухшую самокрутку в руках. — И чего тебя на Север-то потянуло?

— А мне какая разница, где век вековать. Один я, гол как сокол. Поеду золото намывать для строительства коммунизма! Россию посмотрю, может, денег заработаю. Душа моя беспокойная гонит с насиженного места. Выдай ты мне паспорт,

Христа ради. Не получится — вернусь. Хату продавать не буду. Хочешь — сдавай ее желающим. Все какая прибыль. Вот тебе ключи.

На том и порешили.

Попрощавшись, Никанор, считай, налегке отправился напрямик по адресу детского дома, где проживала Маруся Хованцева.

Директор детского дома встретил Никанора радушно. Усадил за стол, чаем напоил.

— Как я рад, что у Маруси нашлись близкие люди. Вы проведать или как?

— Дык это, забрать я ее хочу. Больно далеко ехать проведывать каждый раз. Она хошь и не родня мне, а все ж с одного села. Нет у ее больше там никого. Померли все. И я одинокий совсем. На старости лет будет мне опора.

— Ну, что ж, закон этого не запрещает... Главное, чтобы Маруся не была против.

Привели Марусю. Она поглядела на Никанора и обмерла. Узнала девочка комсомольца, который из родной избы их семью выселял.

— Дозвольте, товарищ директор, нам с Марусей наедине поговорить.

— Ну, что ж, поговорите. Маруся, я в соседней комнате вас подожду.

— Ты вот что, девочка, не пужайся меня, дурака, — угнувшись, тихо сказал Никанор. — Нет мне покоя с тех пор, как тебя и других детишек умирать мы обрели в тогдашней горячке. Классовая борьба — нешуточное дело. Под горячую руку, случалось, раскулачивали и середняков, и бедняков. А по вам, по мальчикам, по моему пониманию, и вовсе перегиб вышел. Теперь ни спать, ни есть спокойно не могу. Жизни нет. Поедем со мной. У тебя ведь нет никого теперь.

— А дедушка Данила?

— Помер он, царство небесное, — Никанор истово перекрестился, отведя глаза.

Маруся тяжело вздохнула. Недобро посмотрела на Никанора и медленно прозвнесла:

— Я с тобой поеду, но, если ты обижать меня будешь, вот те крест — сбегу! Мне теперь бояться нечего.

— Да что ты, Бог с тобою, дитя неразумное. Почто ж мне тебя обижать-то. Я тебя как родную пестовать буду. Выращу, выучу, будешь всем довольна.

— Ну, что вы тут? — вошел директор. — На чем остановились?

— Маруся решилась. Едем мы с ней домой, — будто груз тяжелый упал с Никаноровых плеч.

— Хорошо. Оформлю документы, и завтра можете забрать девочку.

Заплакал Никанор, некрасиво отфыркиваясь. Поглядел искоса на директора.

— Ты, того, член партии?

— Да, товарищ, — строго сказал Иван Порфирьевич.

— Тогда отвернись на минутку... Отвернись, Христа ради...

Директор пожал плечами и отвернулся.

Никанор рухнул на колени и трижды перекрестился.

Когда встал, судорожно протянул директору свой комсомольский билет.

— Сдай, кому положено. Скажешь, что нашел случайно...

Украинская Луганщина встретила Никанора и Марусю радушно. Зима здесь была намного мягче, чем в родных краях. Да и Никанор не обманул, что будет с ней заботлив и внимателен: накупил вещей красивых девочке и шубку теплую, так что Марусе уже больше не было холодно. Вскоре нашлась добрая женщина, которая согласилась войти в дом Никанора хозяйкой.

Счастливы они были недолго. Через шесть лет мир перевернулся. Не стало мира. Никанора призвали в армию. Только он погиб, не доехав до фронта, — поезд с его частью попал по пути под бомбежку...

Как ни кажутся долгими наши года, отшумела, пролетела и жизнь Маруси. Однажды, в короткие часы между ставшими уже чуть ли не привычными обстрелами украинских «градов», она, с трудом переставляя ноги, подошла к своему маленькому старинному чемоданчику. Там лежала ее первая книга «Жизнь и необыкновенные приключения Робинзона Крузо». Открыла. «Как бы ты, Робинзон, смог пережить мои необыкновенные приключения?» — усмехнувшись, подумала Маруся. Легла на кровать и принялась читать давно известный текст. Перед глазами разворачивался морской простор, вдали — остров. Почему-то на острове вместо Робинзона стояли очень знакомые фигуры. Вот бабушка в хромовых сапогах держит под уздцы вороного. Мама баюкает младенца на руках. Папа держит за руку четырехлетнюю сестричку. Вдалеке Никанор стоит, сутулясь...

Ее лодочка уткнулась в песок рядом с ними.

ПОДО ЛЬДОМ КРАСИВОЙ МЕЧИ

Рядовой Матвеев устал от войны. Бывалый солдат, уже понюхавший пороха в далекой Первой мировой, Илья Алексеевич от врага отступать не привык... Вот и пришлось днями Матвееву, почитай, в пятьдесят лет, принять на себя в такой фронтовой неразберихе командование остатками взвода. Когда захлебнулось отчаянное зимнее наступление их Юго-Западного фронта, они, кто уцелел, укрылись в заснеженном Кондрашкином лесу в декабре 1941-го. Карту местности Илья Алексеевич позаимствовал из планшета погибшего салаги-взводного, убитого чуть ли не первой же пулей...

Прорываться он решил на северо-восток, к реке Красивая Меча, недалеко от города Ефремова. Там проходила ближайшая извилина линии фронта и было больше шансов выйти к своим. И не ошибся «дед», как называли его желторотики, которые поголовно состояли из вчерашних школьников.

Опыт Первой мировой рядовому Матвееву помог: он так-таки вывел свой маленький отряд в расположение одной из частей Красной Армии, спустя пять суток блужданий по полям Тульской области.

— Свои! Братцы, свои! — несмышлениши прыгали, обнимаясь с разведотрядом, обнаружившим их на подходах к сожженной деревеньке, от которой остались, как памятки, лишь длинношеие печные трубы.

Однако эйфория от удачного спасения быстро сменилась разъедающей душу тревогой.

Усталый особист капитан Яцкевич с неизменной папиросой в углу рта, прищурив левый глаз и брезгливо скривив губы, упорно не понимал, как им, бойцам Красной Армии в количестве восьми душ, удалось избежать общей участи и выйти из окружения, хотя фашисты крепко расположились по всей линии фронта. Значительные сомнения вызывал у него тот факт, что с ними не было ни одного офицера, а только семь необстрелянных юнцов и один возрастной солдат.

— Как же вы, Илья Алексеич, взводного своего не уберегли? — говорил особист, расхаживая по земляному полу сарая, чудом оставшегося целым и невредимым в разоренной деревеньке. При этом он задумчиво выпускал колечки сизого папиросного дыма.

— Эх, капитан! — седой солдат горько усмехнулся, — разве ж в той мясорубке за всеми углядишь... Ты ж видишь, кого я к тебе привел. Вот и лейтенант наш совсем зеленый был, упокой, Господи, его душу.

Он украдкой перекрестился, но капитан это движение отследил.

— Ты что ж, верующий?

— Так точно. Без этого на войне нельзя. Вера нужна. И вообще...

— Ну это смотря какая вера... Верить надо в Родину, в товарища Сталина, в Победу верить надо. А ты, солдат, креститься вздумал.

— Вам, конечно, виднее, товарищ капитан, но только и без Бога не обойтись...

— А кем вы до войны работали?

— Агрономом на сахарном заводе...

От этих слов вдруг так волнующе повеяло довоенным житьем-бытьем, что неожиданно для себя солдат расслабился и начал рассказывать, как жил в те, казавшиеся теперь небылью, времена.

Капитан Яцкевич внимательно слушал до тех пор, пока рядовой не замолчал, и только потом задал свой следующий вопрос:

— Попутчики ваши показали, что вы стихийно стали руководить после того, как лейтенант погиб. Откуда опыт военных действий? Вы и карту читаете, и на местности ориентируетесь?

— В Первую мировую три года отслужил в звании рядового. Там и приобщился к военной науке. А ребяташки эти и лейтенант наш только-только постигать ее начали. Не успели толком привыкнуть, а фриц прет, не останавливаясь. Мы на фланге оказались, когда танки их пошли, поэтому была возможность затеряться в лесу. Но те, кто в центре залегли, погибли все. А планшет взводный мне дал нести, он мешал ему нас в атаку поднимать, все между ног путался... Так вот карта мне и пригодилась. Собрал я всех выживших, да и повел из окружения. С Божьей помощью к вам и вышли.

— Да при чем тут ваш Бог?! — особист начал терять терпение. — Как он вам помог, можете вы объяснить? Как вы преодолели линию фронта и остались живы? Там фашисты сплошняком накатились, а вы мне тут про божий промысел соловьем разливаетесь.

— Хотите верьте, хотите нет, но помощь была. Дайте карту, я вам наш путь покажу. Всю дорогу мы шли ночами, днем прятались в лесу, на полях в сугробы зарывались, — это для солдата дело привычное. Но потом, когда надо было линию фронта переходить, только чудо нас и спасло... Я понимал, что просто так обойти фрицев не получится... И тут мне что-то так захотелось воды напиться, а впереди река подо льдом. «Вот сvezло...», — думаю с радостью. Снег жевать уже противно было. В общем, спустился, начал лед ковырять. Только воды под ним не оказалось. Вымерзла вся, поднялась льдом на поверхность, а между ним и дном — пустота. Тут я и смекнул, что мы сможем здесь незаметно проползти через линию фронта. Вот где это было! — он ткнул карандашом в карту.

— Сколько служу — такого сказочника в первый раз вижу! И в сугробах-то они прятались, и подо льдом ползли... Не страшно было под лед соваться? — капитан издевательски ухмылялся, не вынимая папиросы изо рта.

— Или под лед или — в расход! — солдат бросил карандаш на стол и сложил руки на коленях. Вдруг разом навалилась усталость последних дней, а только понимал он, что если не сможет убедить особиста в своей правоте, то по закону военного времени поставят их к стенке, и все зря. — Вижу, не верите вы мне... Разрешите доказать!

— Это как же?

— Пошлите со мной своих людей, я их нашим путем проведу... Только поесть дайте, сил нет назад идти.

— Допрос на сегодня окончен, отдыхайте. Ужин вам принесут, — капитан Яцкевич затушил сигарету, как точку поставил, и стремительно вышел.

Путь его был в блиндаж к командиру полка. Чем-то зацепил его этот немолодой уже солдат. Своим спокойствием, что ли? А может быть, уверенностью в том, что оберегает его высшая сила и не даст просто так пропасть. И ребяташек ведь вывел, не бросил там, где полег взвод. Несправедливо будет, если придется под

трибунал их отдать. Надо, надо попробовать проверить его слова, тем более что все, как один, факт перехода линии фронта подо льдом подтверждают.

Пахнуло теплом землянки, табаком и запахом оружейной смазки. Командир полка майор Лепендин, сидя за деревянным столом, чистил пистолет, любовно оглядывая его со всех сторон.

— А, Яцкевич! Заходите, — майор молниеносно собрал оружие и спрятал в кобуру. — Чем порадуете?

— Разрешите без предисловий?

— Валяй.

— Иван Арсентьевич, позвольте отправить группу разведчиков по пути следования задержанных.

— Вы в своем уме, Яцкевич? А если они в окружение попадут? И вообще, ты уверен, что они говорят правду? — степень возмущения майора можно было отследить по интенсивности покраснения его ушей. Яцкевич эту особенность знал, но сейчас уши Лепендина лишь слегка порозовели, поэтому он рискнул развить свою мысль.

— Все говорят одно и то же. В показаниях не путаются. А пожилой, тот вообще спокоен, как Будда.

— Это его положительно характеризует. Впрочем, я замечал такую особенность, капитан: если в немецком подразделении жив хотя бы заваливающий ефрейтор — это еще боеспособная единица, но если в живых остались лишь солдаты — стадо! А у нас хоть весь комсостав перебьют, найдется лидер и среди рядовых.

— Ваша правда, Иван Арсентьевич!

— Знаешь, Яцкевич, а ведь за последние сутки линия фронта слегка отодвинулась на запад и наступление будет продолжаться — такая директива из Ставки пришла. — Майор погладил себя по лысой голове и задумчиво уставился в потолок. — Теперь путешествие по их следам выглядит не такой уж безнадегой. Я бы и «языка» не прочь выслушать, если уж помечтать как следует. После беседы с ним и наступать будет проще.

— Вас понял, товарищ майор! Кого будем отправлять?

— Думаю, что тут нужны молодые и приткие, тем более что этот твой «Будда» неплохо ладит с молодежью.

— Значит, Олег Орлов и Николай Тарасов.

— Согласен. Завтра с утра пусть отправляются.

Особист как-то нервозно зарядил рот очередной папиросой:

— Товарищ майор, а вот гляжу я на этого нашего, на Илью Алексеича... Интересны люди, рожденные до революции... Какие-то все выдержанные, спокойные. Правильные, я бы сказал... Неужели все дело в их такой крепкой вере в Бога?

Майор судорожно усмехнулся:

— Ты меня, сукин сын, провоцируешь? Или у тебя мозги поехали? Ты сознаешь, что несешь? Да нас с тобой за такие поповские разговорчики...

Особист смял так и не раскуренную папиросу:

— Ладно, сказал — и забыли!..

Лихо утро забрезжило, капитан Яцкевич велел Илье Алексеевичу собираться. А чего там собирать-то: шинелишку свою нацепил да ушанку нахлобучил.

Откуда ни возьмись — двое в маскхалатах, совсем мальчишки еще: Олег да Николай. Но что-то в их глазах несколько его настораживало. Илья понял, что это было: за врага его принимали желторотики, но держались почтительно.

— Ты вот что, отец, одень маскхалат, не то все попадемся, — с полудетской строгостью заметил Николай, старший группы.

Илья начал молча одеваться, не зная, как с ними вести себя дальше. То ли вроде как сослуживцы, то ли конвоиры...

— А расскажите-ка, как вы шли до нас? — мягким баритоном, нараспев проговорил Олег — голубоглазый, большеротый солдатик: его алые губы сами собой складывались в обаятельную улыбку, так что невольно вызывал он расположение собеседника. У верхней губы чернела родинка, светлый чуб выглядывал из-под кашпошна. Видать, не одна девчонка до войны по нем сохла.

Илья Алексеевич развернул карту и пальцем провел извилистую линию. Парни внимательно проследили его путь, посмотрели друг на друга. По глазам было понятно, что слова им не нужны. Видно, слаженность пришла к этому дуэту не за одно задание.

— Предлагаю план, — четко постановил русоволосый, сероглазый Николай. — Мы не только должны пройти вашим путем, Илья Алексеевич, но и «языка» притащить майору. Так что идти швидко нужно. Ты, отец, нас подо льдом проведи, все остальное сами исполним в аккурат. Понял?

— Ну чего ж тут непонятного, — Илья Матвеев влез в маскировочный костюм и теперь был вполне готов к марш-броску.

Троица дружно двинулась от сарая. Капитан Яцкевич, глядевший ей вслед с покосившегося крыльца с зажатой в зубах тлеющей папиросой, только хмыкнул: «Вот ведь черти, спелись уже». Он бросил сигарку в снег и потопал в блиндаж к командиру полка.

Илья Алексеевич шел впереди, за ним Николай, потом Олег. К вечеру достигли того места, где вчера отряд разведчиков обнаружил восьмерых вышедших из окружения бойцов. Новым снежком, конечно, припорошило оставленные ими следы, но память у агронома на местность была тренированная.

— Скоро будет лаз под лед, — Матвеев опустился на валежник. — Предлагаю перекусить, там негде будет, за рекой — фашисты.

— Согласны. — Николай пристроился рядом и достал сухпаек. Олег остался стоять как дозорный. Потом ребята поменялись местами.

— Там ползти метров пятьдесят надо, как раз до темноты, в сумерках управимся. А потом можно и ночлег приглядеть. Оврагов в этих местах много, можно лежку соорудить, — неспешно рассуждал Илья Алексеевич.

Парни не спорили, только переглядывались. Вскоре все трое оказались подо льдом. Фонариками не пользовались, чтобы не выдать себя. Так что пробирались в кромешной тьме.

На выходе из подледного лаза троицу ожидала ночь и высокое звездное небо, какое бывает только при нашей очень морозной погоде.

Слова Ильи Матвеева подтвердились, и парни заметно повеселели.

— Ну что, Алексеич, — Николай хлопнул агронома по плечу. — Считаю, проверка закончилась. Теперь ты в нашей команде свой мужик!

Илья крикнул смущенно, но вздох облегчения от парней не скрыл.

Потом, сидя в импровизированном шалаше из сосновых веток в приглянувшемся овраге, троица дружно строила планы захвата «языка».

— Алексеич, ты и Олег спите сейчас, потом я, а дальше будет видно, — твердо сказал Николай, как старший группы, не допуская возражений.

Ночь прошла спокойно, бойцы отдохнули по очереди. Илья Алексеевич, сославшись на стариковскую бессонницу, задолго до рассвета сменил Олега, который дежурил вторым. Так что молодежь сладко сопела, добирая последние минуты сна.

«Совсем зеленые...» — вздохнул Илья и вдруг со слезой вспомнил дом, жену Анисью, ребятешек: каково-то им там в эдакое лихолетье?»

Николай вдруг заворочался и резко приподнялся на руке. Увидев сидевшего на пороге шалаша Илью Алексеевича, ткнул Олега в бок. Тот проснулся, сел, не издав ни звука, и протер глаза.

Непроглядная мгла сменялась сумерками. Скоро рассвет. Следующие сутки предстояло провести без сна и выполнить задание майора.

Вскоре тройца упорно продвигалась по направлению к ближайшей деревне, захваченной неприятелем.

Николай достал из мешка немецкую шапку. Олег последовал его примеру. В белых маскахалатах и немецких головных уборах они в полутьме вполне могли сойти за своих для фрицев.

— Извини, Алексеич, тебе нету, но ты у нас будешь обеспечивать отвлечение врага. Захват — наше с Олегом дело.

— Расскажи подробно, сынок, в чем моя задача будет.

— Ну, все подробности на месте, в зависимости от обстановки. А в общем, твоя задача — отвлечь фрицев, чтобы мы смогли уйти с «языком», и догнать нас потом, — постановил Николай.

К вечеру маленький отряд добрался до одной из немецких частей в деревне Малинки. Близко не подошли, ждали глубокой ночи, заодно приглядывались к расположению домов. Присмотрели одну хатенку на отшибе, от которой тянулись провода — значит, связисты. Обычно им многое известно.

Фрицы во дворе в одних форменных рубашках и галифе жарко рубили дрова. Их бодрые голоса далеко разносились по морозному воздуху. Наконец, похватав поленья, они бегом кинулись к избе. Видать, неплохо достал «гансов» наш морозец.

Время в ожидании глубокой ночи тянулось медленно. Когда ясные звезды засияли высоко над головой, широко раскидав созвездия, пришло время действовать.

Николай еще раз изложил план действий.

— Мы с Олегом идем в хату брать «языка». Ты, Алексеич, чуть поодаль ждешь, когда мы выйдем втроем. Если тихо уйти не получится и начнется стрельба, ты отвлекаешь фрицев гранатами или бьешь их из автомата. Но не забывай, что патронов мало. Когда мы скроемся за околицей в посадках, ты идешь по нашим следам. Мы тебя будем ждать у Красивой Мечи, но недолго, поскольку идти далеко, а «языка» доставить надо. И берегись собак, могут пустить по следу. Лучше сразу пристрелить.

Разведчики оставили Илью Алексеевича на выбранной точке. Через несколько шагов их уже было не отличить от снежного наста. Пожилой солдат, однако, не ослаблял внимания и бдительно смотрел за избой.

Вдруг из дверей показалась фигура немца, собравшегося прогуляться до ветра. Почти в ту же минуту его скрыла белая тень. Захват прошел беззвучно. Ребята отключили фрица и смело вошли в избу.

Внутри было тепло и пахло едой, на столе тускло горела керосинка. Еще два немца спали, укрывшись шинелями с лимонно-желтой окантовкой, как и полагалось связистам. На рукаве одной из них была обер-ефрейторская нашивка. Николай сделал знак, что брать надо его. Тут заворочался второй. Олег огрел его прикладом по голове и кинулся помогать Николаю. Тот как раз управлялся со вторым немцем, старшим связистом. Вдвоем они быстро связали ему руки за спиной и потащили к выходу. В дверях даже шапку нашу русскую ему нахлобучили, чтобы не замерз в пути.

Но, видно, запас удачи на этом кончился.

Снаружи раздался выстрел. Это пришедший в себя фриц поднял тревогу. Илья Алексеевич понял, что настал его выход. Для начала пристрелил виновника переполоха и бросил гранату по направлению к ближайшей избе, откуда уже появились сонные фрицы, палившие без разбору. Их было так много, что стало понятным — первоначальный план не сработал.

Николаю и Олегу пришлось закрыться в доме, откуда они пытались украсть «языка», и держать оборону. Долго ли смогли бы они отстреливаться, никому не ведомо.

Спасение пришло откуда не ждали. Оказалось, что наступление, к которому хотел подготовиться командир их полка с помощью сведений от пленного немца, началось гораздо раньше — предстояла крупная Елецкая операция, в ходе которой была окружена и уничтожена большая группировка противника.

Деревня Малинки была атакована частями Красной Армии в тот самый момент, когда разведчики отчаялись остаться в живых. Между прочим, Илья Алексеевич по такому случаю не преминул перекреститься и даже на бегу под пулями прочитать несколько раз «Отче наш». Молился он как никогда усердно.

В общем, им оставалось не попасть своим под горячую руку. Но обошлось как нельзя лучше. Избенка фашистских связистов стояла на отшибе, и когда наши герои вывели уже двоих немцев под конвоем на улицу, все выглядело так, будто они действовали в авангарде наступления. Конечно, потом пришлось объясниться с командиром части, занявшей деревню. Однако разговор вышел вполне деловой. Через связистов разведчики узнали расположение своей части и вскоре стояли перед капитаном Яцкевичем.

Тот не преминул дотошно расспросить о происшествии всех троих участников событий. В итоге рассказ рядового Матвеева полностью подтвердился, и восьмерых красноармейцев, вышедших вместе с ним чудесным образом из окружения, зачислили в личный состав...

Еще четыре долгих года продолжалась война. Николай и Олег были убиты во время отчаянных боев под Харьковом. Илья Матвеев был тяжело ранен уже вскоре после описанных событий. Его, прожившего потом всю оставшуюся жизнь с осколком у сердца, демобилизовали, и он радовался победной весне сорок пятого уже вместе с женой и повзрослевшими детишками.

МОЛИТВА

В тот летний день 1967 года Арсений, молодой топограф Памирской геолого-разведочной экспедиции, спускался с тяжелым, дорогостоящим оборудованием по узкой горной тропе. За плечами торпорчилась мензуральная доска.

Впереди приближался очередной скальный выступ. И как ни надеялся Арсений на свою отработанную особую горную походку, доска зацепилась за уступ, а ботинки, которые было пора уже списывать, заскользили по поверхности.

Рабочий, шедший следом, потрясенно наблюдал, как их молодой специалист летит с сорокаметровой высоты. Та самая мензуральная доска, которая спровоцировала падение, оказалась шансом на спасение. Парень приземлился на спину, которую защитила ее прочность. Однако дальнейшее стремительное падение по склону горы уже ничто не могло предотвратить. Арсений катился вниз, ударяясь об уступы...

Заикаясь, сотрудник доложил о случившемся начальнику экспедиции.

Трое товарищей, прибежавших на помощь Арсению, быстро поняли, что на носилках вниз к дороге его спустить не получится, слишком крутой склон. Оставалось надеяться на смекалку и русское «авось». Инженерная мысль сработала и в критической ситуации. Поскольку Арсений был все еще без сознания, его привязали к спине товарища, сидевшего верхом на лошади, и так, поддерживая со спины, все спустились к шоссе. Долго пытались поймать попутку, но никто не останавливался. Драгоценное время утекало, парень не приходил в себя.

Начальник экспедиции понимал, что без помощи им одним Арсения не спасти. Рассчитывать на местных жителей не приходилось: они относились насторожен-

но к русским ребятам, делавшим съемку местности для последующей разработки месторождений полезных ископаемых. Чего они там ищут? Чего копаются?..

Тогда один из сотрудников подошел к молодому таджику из соседнего кишлака, который только что приехал на попутку.

— Послушайте, молодой человек! — взволнованно сказал он. — Там кто-то из ваших с обрыва сорвался... Совсем молодой. Еще помрет. Нужно в больницу, к доктору. А попутку остановить не удастся.

Таджика как ветром сдуло. Через пять минут начальник экспедиции наблюдал, как из селения на трассу, перекрывая ее, потянулась вереница людей. Когда он всмотрелся, то стало ясно, что это идет весь кишлак, от мала до велика. Здесь были все, кто мог ходить.

Ясно, что долго ждать не пришлось. И уже скоро окровавленного Арсения погрузили в машину. В ней места было мало, поэтому таджики остановили еще и второй грузовик. Чуть ли не выкинули из него русских сотрудников и набились всем коллективом, сколько поместилось, в кузове. Так в полном составе и двинулись в райцентр.

Выдавший виды русский хирург был явно удивлен такой многочисленной толпой сопровождавших пациента таджиков, ко всему еще и рассевшихся вольготно в коридоре больницы.

— Готовим пострадавшего к операции! — объявил врач, пропуская каталку с Арсением. — Граждане, вы что, собираетесь тут всю ночь сидеть?

— Можно вас на минуточку, — подоспевший начальник экспедиции взял врача под локоть и увел в ординаторскую, — Понимаете, пришлось сказать, что он таджик, иначе мы не могли остановить попутку.

— Ну, вы и сейчас еще можете его потерять, поскольку на вид он серьезно пострадал. Поэтому мне пора на операцию, а вы поезжайте в лагерь. С таджиками сам разберусь. Посидят ночку, потом будут более сговорчивыми.

Операция, действительно, заняла много часов. Арсению повезло, что бригада врачей, дежуривших в тот день, была не просто хирургами, а нейрохирургами. Самые тяжелые повреждения оказались на голове, также многочисленные ушибы и рваные раны по всему телу, куда набились кусочки щебня и горной породы. Врачи извлекли все инородные тела и постарались исправить полученные повреждения. Теперь оставалось только ждать.

Врач, принимавший парня, тяжело опустился на скамейку и стащил маску и шапочку. На лбу блестели капли пота. Пальцы сводило от усталости. Операционная сестричка отшатнулась от двери из реанимации.

— Там все еще полный коридор таджиков... — прошептала она врачу.

— Вот черт, как же их сплавить-то?... Скажи им, что больница закрывается на карантин. У пострадавшего корь, и все, кто не успеет убежать до моего выхода, останутся здесь на двадцать один день.

Когда, наконец, хирург вышел из реанимации, коридор был пуст.

Как ни тяжелы были повреждения, через десять дней Арсения поставили на ноги.

Теперь он с утра до вечера слонялся по больнице, осваиваясь с вынужденным бездельем. Однако врач, делавший ему операцию, соглашался отпустить парня не раньше, чем через 21 день.

Лежа на больничной койке, Арсений вдруг вспомнил студенческие годы. Сыну крестьянина, участвовавшего в двух войнах, приходилось тогда нелегко. Да и не ему одному. Большинство их было из таких вот детей крестьянских. Только подходы к решению материальных проблем были разными. Один из его соседей, начитанный интеллигентный мальчик, предложил применить тактику экономии двигательной активности. И вместе с двумя последователями в конце месяца, когда

от стипендии оставались одни воспоминания, они ложились по кроватям и, практически не двигаясь, молчали. Насколько хватило бы такой экономии сил, сказать сложно, потому что Арсений не выдерживал и шел разгружать вагоны. На заработанные деньги покупались продукты, готовился шикарный по тем временам мясной обед, и студенты начинали жить веселее...

— Ать-два, левой, левой! — в коридоре общезжития строй из африканских студентов, также учившихся в техникуме, с полотенцами на плечах шел не в ногу по направлению к душевой.

— Куда ты их тащишь? — в сердцах спрашивал Арсений местного хохмача и активиста Олега, почему-то пользовавшегося большим авторитетом у зарубежных студентов. Видимо, крепкие кулаки и широкие плечи вожатого немало способствовали этому.

— Видите ли, Арсений, — Олег взмахнул полотенцем, как волшебной палочкой, — наши младшие товарищи нуждаются в постоянном присмотре. Не могу же я позволить им погрязнуть во мраке и невежестве, нужно прививать правила здоровой гигиены.

— А почему строим?

— Ну, они не возражали. И вообще, так веселее. Вспомни свое пионерское детство. Песню запе-вай!

Нестройный хор на ломаном русском запел «У солдата выходной»...

Голодные, но веселые студенческие годы быстро пролетели. По распределению Арсений оказался на Памире. Варзобское ущелье недалеко от Душанбе поразило его воображение. Однажды Арсений стоял на верхней точке перевала, где в высоком, невыносимо голубом небе во всю сияло желтое солнце, а внизу, у подножия горы, их лагерь был полностью погружен в темноту. Пейзаж — словно из фантастического фильма о другой планете — завораживал. В то же время вся эта красота располагалась недалеко от Душанбе, и молодой специалист частенько обедал в городских кафе. Поначалу заказывал борщ и котлету на второе, но однажды разбитная повариха посоветовала попробовать шурпу. Арсений послушался и с той поры стал верным поклонником восточной кухни. Любил и в чайхану заглянуть, побаловаться вкусным зеленым чайком. Местные аксакалы сидели в тенечке, поглаживая длинные белые бороды, неспешно переговариваясь, и из расписных блюдечек тянули обжигающий напиток.

Рабочие будни протекали, однако, не так гладко. Трудно было привыкнуть к местной жаре, разреженной горной атмосфере и ослепляющему солнечному свету, когда небо становится практически белым от его раскаленного сияния. После работы шли купаться в речке Душанбинке. Русские рабочие-умельцы соорудили на ее берегах баню. Понятно, что для достижения там высокой температуры пара многого было не нужно, а вот чтобы остудить разгоряченный организм, приходилось обвязываться веревкой и прыгать в быстробегущую ледяную воду. Иначе справиться со стремительным течением было невозможно.

Неспешные мысли молодого человека были прерваны ворвавшейся в палату медсестры Тamarочкой, явно симпатизировавшей ему.

— Сенечка, там таджика привезли. Из «твоего» кишлака. — Так же как и вся больница, Тамара была в курсе его чудесного спасения. — Жаждет встречи с тобой!

Арсений тотчас собрал вещи и постучал в ординаторскую. Хирург быстро понял, что к чему, и закрыл больничный.

В конторе, по обыкновению, сидели в очереди несколько человек. Арсений в таджикской тюбетейке, под которой скрывалась белая повязка, пристроился на табуретке в уголке. Дверь в бухгалтерию из-за жары была открыта, и оттуда доносился крайне интересный разговор.

— Такой молодой, и такая смерть! — блондинка с наманикюрованными пальчиками с реактивной скоростью считала банкноты.

— Постой, он же был жив еще, когда его увезли.

— Ну, был, а потом умер. Ты бы его видела: весь в крови, и даже ботинки соскочили, пока с горы летел. Бедная его мать, там еще пятеро у нее. А отец недавно помер. Мы вот тут всей экспедицией денег им собрали, будем пересылать.

Тут уже Арсений не выдержал и поднялся со стула. Шагнул в открытую дверь.

— Жив я. Вот больничный.

— Врешь, не ты это! — фыркнула блондинка.

Арсений молча стянул тубетейку. На белоснежных бинтах выступила кровь.

— Ой, у него сейчас швы разойдутся, оформляй его скорей, — запричитала инспектор отдела кадров.

— Идите, посидите на лавочке, в тени, я вас позову, — блондинка разочарованно вздохнула и цапнула красными коготками больничный из рук Арсения.

По дороге в больницу за вещами созрело решение.

— Ну что, Тамарочка, с тем таджиком?

— Да ничего особенного, в палате он, спит, наверное. Никакая операция не потребовалась. Желудок промыли, и все.

Арсений приоткрыл дверь и как можно деликатней просочился внутрь. Встал возле кровати, смущенно смяв тубетейку.

— Заходи, чего встал, садись давай, — смешно коверкая русские слова, проговорил пожилой таджик.

— Что, очень больно? — смущенно спросил Арсений.

— Заживет, как на собаке, — махнул рукой аксакал.

— Чего пришел, говори давай.

— Ну, это, не таджик я. Обманули мы вас...

— Интересный ты человек! — вскрикнул старик. — Ты себя в зеркале видел, какой из тебя таджик? Мы об этом догадались тогда еще, когда тебя в машину грузили.

— А почему же потом сидели в больнице всю ночь возле моей палаты? Мне Тамара рассказывала.

— Молились мы за тебя, дурачок... — строго вздохнул аксакал. — По-своему молились. Хорошо молились. Вот ты и стоишь живой передо мной, хвала Аллаху!